Утро следующего дня оказалось для Фокса гораздо болезненней, чем он думал. Яркий свет Далита проникал в его камеру через маленькое зарешеченное окошко под самым потолком. За занавеской пыли и затхлого воздуха, там, в темном углу, куда не падал свет, он сидел, упершись взглядом в потолок как какой-то сумасшедший. Его руки лежали ладонями вверх, ноги вытянуты, как если бы парализованного человека вдруг бросили без коляски. Своим телом он закрывал тайник, замурованный в хрупкой штукатурке и грязи у основания стены. В этом тайнике он прятал ложку, что прихватил со стола в кабинете Керина, когда тот представил удобный случай и отвернулся в сторону. Тень скрывала его лицо. Боясь пошевелиться, он тихо дышал, испытывая острую боль в области живота и правого легкого. Однако, вчерашним обедом он был доволен. Желудок пока еще не будет доставать его своим пением, чему Фокс, безусловно, был очень рад. Слабое дуновение прохладного ветерка, доносившееся из окошка наверху, зацепило несколько прядей его длинноватых белых волос. Глаза вдруг оживились. Правая рука шелохнулась и поднялась над бетонным полом, потом медленно переместилась в сторону окошка, пока кулак не оказался прямо напротив него. Фокс разжал кулак. Расцарапанная ладонь показалась на свету всего на секунду, ощутив еще одно дуновение воздуха, и вновь укрылась за пальцами, превратившись обратно в кулак.

-Мое! – негромко произнес Фокс и так же медленно дал своей руке вернуться в исходное положение,- Не забывай об этом, глупый Бог!

После этого, посетивший его камеру ветерок вдруг куда-то пропал и больше не показывался. Единственным собеседником ему теперь был Далитовый свет. Но немного позже, и он скрылся, погрузив просторную пустую комнату в полумрак. Из угла, где сидел Фокс, вдруг послышался странный звук. Он был похож на рычание дикого зверя, готовящегося напасть на жертву из засады, чтобы разодрать ее в клочья, напиться ее кровью… но, вопреки всему, это оказался просто храп.

Сквозь сон он услышал громкий стук, заставивший его вздрогнуть от неожиданности и наконец, очнуться. Сразу же после пробуждения, в его голове заиграли новые краски боли. И чем сильнее был стук, тем сильнее трещала эта боль. Фокс повернул голову в сторону железной двери, надежно преграждавшей его путь к сладкой свободе. Из открытой створки двери на него смотрела пара пронзительных глаз. Словно в наркотическом опьянении, Фокс сначала испугался, подумав, что эти глаза принадлежат самой двери. Но, спустя мгновение, он понял, что нигде так не согрешил, чтобы его собственный разум играл с ним в злые игры. Стоящий по ту сторону двери человек оказался Фоксу знакомым.

-Эй, ты! Хватит так громко храпеть! Не мешай мне читать, грязное подобие выкидыша!

За относительно долгое время, Фокс наконец улыбнулся. Его открывшиеся зубы по своей желтизне напоминали переспевший лимон. Немного потянувшись, он тяжело вздохнул, все еще чувствуя в своих легких неприятное ощущение, напоминавшее ему о вчерашнем. Почесав место где-то на спине, он поплотнее подсел к стене, чтобы тень поглотила и его бедра.

- МАкс, Маакс, МаАкс, Макси… - с разной интонацией проговорил он.

- Ээх, ты я вижу, здесь прописаться решил. Ха! Не знаю, до чего ты довел Керина, однако не хотел бы оказаться на твоем месте.

-К черту Керина, к черту это все. Мне нравится тюрьма. Здесь тепло, сухо, еда вон, какая никакая. Вдоволь насладиться одиночеством и завонять под конец жизни в этом прекрасном месте – вот одна из не самых худших концовок для таких как я.

Глаза в узкой щелочке засверкали в улыбке.

- Ты убийца, Фокс, к тому же, вор и мошенник. Возможно, тебе не удастся выбраться из этой камеры живьем. Хотя, готов поспорить, ты сможешь насладиться свежим воздухом по пути к стене, где ты, скорее всего, и завоняешь.

- Не будь таким пессимистом, Макси, возможно мне в скором времени надоест здешняя политика и я сбегу. Ведь даже такой цепной пес, как ты, не может смотреть в будущее. Поэтому-то я и сбегу. А ты останешься с носом.

- Ха! Переменчив как ветер. Глуп, как стадо Барказарских овец. Здесь четыре стены и один выход. Как ты собираешься выбраться? Во время войны в этих казематах содержались преступники и пленные пострашнее тебя.

-Давай! Не верь в меня! И пока ты будешь читать свою книжечку, я улизну, прихватив с собой все, что у меня забрали!

-Правда? – удивился сторож Макс, - Ну? И как ты собираешься это сделать.

Фокс нащупал позади себя выпуклость у подножия стены.

- Я что-нибудь придумаю.

Макс засмеялся. Его смех был таким же престарелым, как и его бабушка, давно отдавшая душу Олекорду. Однако в его сорок лет, работа охранником в тюрьме Внешнего сектора, делала кожу на его лице все более морщинистой и смуглой, а плешь на голове все шире. Когда Фокс в первый раз оказался в здешних камерах, охранник, которого он звал Макс, увидел в нем что-то особенное. И этого что-то оказалось достаточно, чтобы хитрый лис завел с ним беседу. «За что сидишь, парень?» - спросил тогда Макс, на что получил лишь ухмылку и радость в голубых глазах. А когда Фокс заявился сюда в третий, в четвертый, в шестой раз, Макс понял, что этот мальчик будет навсегда привязан к этому месту и найдет здесь логическое завершение своей никчемной жизни.

Спустя два часа в железную дверь вновь постучался Макс. Однако, ожидая ехидного ответа, он услышал лишь тишину.

-Эй! Давай на завтрак! Хватит сидеть в темноте!

Макс отодвинул створку щели, чтобы посмотреть, что твориться внутри карцера. В его глазах поселился ужас. У противоположной к двери стены, в тени, куда не заглядывал свет, выглядывали кисти рук, лежащих в луже с кровью. Очумев от такого поворота событий, Макс судорожно достал из левого кармана ключ, после чего уронил его, но потом быстро поднял. Плоские зубцы никак не входили в замок из-за его дрожащих рук.

-Фокс! Фокс! Чертов придурок, Фокс!

Наконец, отперев железную дверь, он отмахнул ее от себя с такой силой, что она ударилась о стену камеры. Влетев внутрь, он осмотрел стену, рядом с которой лежал Фокс. Однако, кроме нескольких кровавых подтеков и лежащей в одном из них покрасневшей подточенной ложки, он ничего не увидел.

-Что за…

Это последнее, что он сказал, перед тем как понял, что хитрый Белый лис воспользовался его самоуверенностью и перед тем, как его сознание утонуло во тьме. Макс рухнул прямо в окровавленное пятно у стены. Позади его тела, Фокс сжимал кусок кирпича, который ему удалось отковырять той же самой ложкой. По его пальцам текли маленькие струйки крови. Его крови. Выбросив кирпич в сторону, он быстро принялся раздевать Макса, стараясь не запачкать его форму кровью.

-Прости меня, дружище, но ты ведь знаешь, как я тоскую по северному ветерку. Надеюсь, ты простишь меня за это, - приговаривал он, - Да и к тому же, крови гораздо больше, если режешь вены вдоль, а не поперек. Хоть это теперь приносит мне дикую боль. Но это так, тебе на заметку.

Надев серые брюки, сапоги и черные перчатки, оказавшиеся в кармане пиджака Макса, Фокс принялся стягивать с него белую рубашку. Оторвав часть ткани от ее полов, он разделил эту ткань еще на две меньшие части и перебинтовал руки, хоть это и было до ужаса больно.

-Керин, ты идиот – делая повязку, шепотом говорил он.

Пальцы не слушались приказов своего хозяина, однако, через некоторое время, Фоксу все-таки удалось завязать узел на обеих кистях и остановить кровотечение. Оставшийся от рубашки кусок он осторожно надел на робу и постарался застегнуть пуговицы. Однако, с поврежденными связками и к тому же в перчатках, сделать это было довольно проблематично. Потратив много времени, он понимал, что если Макс очнется, то его побег будет провален. Поэтому, вопреки боли, он прибавил ходу. Надев пиджак с красными пагонами, он поспешил застегнуть хотя бы несколько нижних пуговиц, чтобы скрыть оторванный участок рубашки. Наконец, завершив все телодвижения, он оглянулся на открытую дверь карцера. Во всем подземном помещении стояла угрожающая тишина. Быстрым шагом переступив через железный порог, Фокс наконец, оказался за пределами своего временного жилища. Снаружи, у двери, на табурете лежала маленькая книжка с кожаным переплетом. Проходя мимо нее, Фокс краем глаза зацепил потертые слова на обложке, выполненные золотыми буквами. «Госпожа гадюка» - прочитал он, а под табуретом заметил пыльную армейскую фуражку. Подняв и отряхнув, Фокс напялил ее на голову и заправил внутрь свои белокурые волосы так, чтобы ни одна прядь не выглядывала из-под нее. На прощание, он одарил лежащего Макса грустным взглядом. «Ты всегда хорошо относился ко мне. Надеюсь, ты поймешь меня» - подумал он и, не потратив ни секунды больше, устремился к выходу из каземата.

http://tl.rulate.ru/book/8712/163816